

УДК 327.56(045)

А.В. Яркеев

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ ЯДЕРНОГО МИРОПОРЯДКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается апоретический характер архитектуры ядерного миропорядка, основанного на взаимном ядерном сдерживании (устрашении). Актуальность обращения к заявленной теме обусловлена тем, что сегодня мы наблюдаем, как принципы, механизмы и институты, включая договоры и обязательства в сфере ядерных вооружений и ядерного сдерживания, на которых до сих пор основывался международный порядок, перестают выполнять свою стабилизирующую и регулирующую функцию, подвергаются эрозии, разрушаются. Продолжающаяся эскалация напряженности в этих условиях все больше приближает мир к скатыванию в полномасштабное военное противостояние с применением всего арсенала имеющихся средств массового уничтожения. В данных обстоятельствах, как кажется, угроза превентивного или ответного применения ядерного оружия является тем самым «последним доводом» (*ultima ratio*), который надежно сдерживает развитие событий по апокалиптическому сценарию. Автор статьи ставится под сомнение уверенность в надежности механизма ядерного сдерживания на основе анализа, демонстрирующего имманентные пороки и изъяны ядерного миропорядка, понимаемого в самом общем смысле как система конфликтующих между собой суверенных государств, обладающих ядерным оружием (или находящихся под защитой ядерных держав). В результате проведенного анализа делается вывод о том, что ядерное сдерживание (устрашение) не способно служить основой миропорядка, представленного суверенными государствами, императивом деятельности которых является преследование собственных эгоистических интересов, что ставит под угрозу международную безопасность. Однако проблема заключается в том, что сложившийся ядерный миропорядок, несмотря на свой саморазрушительный потенциал, является безальтернативным в обозримой перспективе, так как реализация возможных вариантов решения данного вопроса в настоящее время выглядит слишком утопично.

Ключевые слова: ядерный миропорядок, международные отношения, политический реализм, суверенное государство, ядерное сдерживание, ядерная война.

DOI: 10.35634/2587-9030-2025-9-4-496-505

Ссылка на статью:

Яркеев А.В. К вопросу об устойчивости ядерного миропорядка: постановка проблемы // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2025. Т. 9, вып. 4. С. 496–505. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2025-9-4-496-505>

Введение

Когда заходит речь о безальтернативности и устойчивости ядерного миропорядка, обычно делают акцент на том, что взаимное ядерное сдерживание функционирует как надежный механизм, действующий практически в автоматическом режиме, поскольку колоссальный разрушительный потенциал ядерного оружия (ЯО) с необходимостью вынуждает ядерные государства отказываться от его применения. Также ссылаются на тот факт, что ядерный порядок обеспечил беспрецедентно долгий мир, а именно с момента окончания Второй Мировой войны вплоть до наших дней [1, с. 99]. Действительно, международные войны ограниченного характера имеют место быть, но после Корейской войны в 1953 году ни одно государство, обладающее ядерным оружием, и ни одно государство, находящееся под защитой государства, обладающего ядерным оружием, не подвергалось нападению вооруженных сил какого-либо другого государства. За последние семьдесят лет не было обычных (конвенциональных) войн между крупными военными державами. Конечно, любое суверенное государство, обладающее ядерным оружием или нет, все равно может начать войну против неядерного государства, у которого нет ядерного защитника. Во Вьетнаме, Афганистане и Ираке США воевали с неядерными государствами без ядерного прикрытия, как это делал Советский Союз в Афганистане. Индия и Пакистан смогли провести три войны за Кашмир, прежде чем оба обзавелись ядерным оружием и стали неприкасаемыми друг для друга. В равной степени новым правилам соответствовали успешная небольшая война Великобритании с Аргентиной за Фолклендские острова, периодические военные действия между Эфиопией и Эритреей, вторжения Израиля в Ливан и Газу, оккупация Китая Тибета и операция

НАТО в Косово. Ни в одном из этих случаев вооруженные силы другого государства не нападали на государство, обладающее ядерным оружием [2].

Даже Карибский кризис (1962 г.), когда мир был на грани ядерного апокалипсиса, объясняется в этой же логике: катастрофы в итоге не случилось именно потому, что система ядерного сдерживания/устрашения сработала, и тем самым это доказывает ее надежность и эффективность. Перед непосредственной угрозой ядерной войны с неприемлемыми последствиями для обеих сторон «оппонентам пришлось выйти за рамки действий на основе эгоистических интересов и обратиться к идее общего блага – предотвращения ядерной катастрофы» [3, с. 55]. С этой точки зрения текущая ситуация вокруг событий на Украине рассматривается некоторыми авторами в категориях необходимости «Карибского кризиса 2.0»: деэскалация посредством ядерной эскалации. Разумеется, позиция приверженцев ядерной эскалации не лишена определенных резонансов [4– 6]. Вместе с тем, убедительность такого подхода оспаривается с помощью социально-психологических, военно-технических, военно-стратегических, экономических, исторических, (гео)политических, логических доводов [7–11].

Нижеследующие соображения посвящены экспликации тех имманентных изъянов, апорий ядерного миропорядка, которые ставят под серьезное сомнение утверждение о его устойчивости (надежность или уязвимость самого механизма ядерного сдерживания – тема отдельного обсуждения, которая здесь не затрагивается). Не претендуя на теоретическую новизну, исчерпывающий охват и бесспорность выводов, мы предпримем попытку тезисного обобщения некоторых дискуссий и мнений, которые по данной теме ведутся и высказываются не один десяток лет, но которые в текущих обстоятельствах оказываются чрезвычайно злободневными.

После того, как в 20 в. позитивистский оптимизм, идеалистический гуманизм и интеллектуальная вера в возможность построения международного порядка на основе прогресса человеческого разума и доброй воли потерпели полный крах, послевоенный реализм выступил в качестве научной основы представлений о мировом порядке. Поскольку в теории международных отношений сегодня самым адекватным, влиятельным, авторитетным и наиболее востребованным (как теоретически, так и практически) продолжает оставаться политический реализм, мы будем опираться на представления о мировом порядке, выработанные в рамках именно этого течения политической мысли (главным образом на работы Г. Моргентау, К. Уолца, Г. Киссинджера, а также К. Шмитта, оказавшего заметное влияние на реалистскую теорию международных отношений).

Апории ядерного миропорядка

Светский международный порядок, оформившийся в Европе в 17 в. по итогам Тридцатилетней войны (1618–1648) и прошедший с течением времени через ряд эпохальных трансформаций, распространился по всему миру и сохранился (с известными оговорками) до наших дней – в виде глобальной версии вестфальской системы [12, с. 39–44]. Возникнув как система суверенных государств, преследующих свои эгоистические интересы, он держался на балансе сил. С появлением в 20 в. ядерного оружия на смену балансу сил пришло ядерное сдерживание, определяемое перспективой гарантированного взаимного уничтожения. В самом общем смысле ядерный миропорядок можно определить как систему суверенных государств, обладающих ядерным оружием (или находящихся под защитой ядерных государств). Исходя из такого понимания международного порядка, попробуем мысленно протестировать его на предмет способности к длительному существованию, воспроизводству и изменению, не утрачивая при этом своих базисных характеристик, что означает, по-другому, «отсутствие в системе серьезных внутренних противоречий, которые необратимо ведут к ее саморазрушению и (или) радикальной трансформации» [13, с. 115].

1. Общим знаменателем различных направлений политического реализма является представление о сущностно конфликтной природе международных отношений. Иными словами, специфическим отличием реалистского подхода от других направлений политической мысли является понимание войны как сущности межгосударственных отношений, а не как чего-то побочного вследствие причин экономического, правового, морального, идеологического, классового и пр. характера. В последнем случае, как предполагается, проблему войн между государствами можно решить раз и навсегда, если устранить порождающие их причины «путем создания международно-правовых институтов, правильного воспитания и удовлетворения экономических потребностей» [14, с. 106]. С позиции реализма, война представляет собой квинтэссенцию мировой политики, которая понимается либо как следствие

неустранимой борьбы за власть [15], либо как состояние международной анархии в отсутствие надгосударственного арбитра, обладающего легитимной монополией на насилие [16]. Соответственно, война – это естественное состояние международных отношений (гоббсовская «война всех против всех» на уровне государств), а периоды мира, по сути, являются подготовкой к войне. В такой оптике ядерная война неизбежна. Аргумент здесь против неизбежности ядерной войны заключается в беспрецедентной разрушительности ядерного оружия, в случае применения которого не будет победителей, а государства с их населением могут просто физически исчезнуть. Убедительность этого аргумента носит чисто умозрительный характер. Исторический опыт, скорее, свидетельствует об обратном. Так, после Франко-прусской войны (1870–1871) в европейском обществе преобладали настроения, что большая война, ставшая крайне смертоносной, разрушительной и невыгодной, вряд ли повторится. Когда-то появление пулемета, обладающего способностью уничтожать большие группы пехоты и кавалерии, вызывало трепет, сравнимый с тем страхом, который мир испытывал перед атомной бомбой после 1945 года. Существовало мнение, что пулемет, в силу своей чудовищной эффективности, положит конец войнам, поскольку не будет ни победивших, ни проигравших. Однако реальность оказалась иной. Тот факт, что ядерной войны до сих пор не было, свидетельствует главным образом о том, что для нее пока не было настоящей причины. «Субъектов, которые стремятся развязать войну, сдерживать невозможно по определению: угрозы только подарят им долгожданный повод ее объявить. Мы не можем говорить об эффективности или неэффективности “ядерного сдерживания”, коль скоро в мире после Второй Мировой не было глобальных ревизионистов – политических режимов, стремящихся к слому мирового порядка и готовых развязать с этой целью войну. <...> Технически и политически наземная региональная война между Россией и Соединенными Штатами более вероятна, чем в 1960-е годы. Значит, она может стать большим искушением для политиков. В такой ситуации ЯО едва ли явится сдерживающим фактором» [1, с. 105, 123]. В контексте сегодняшних событий вокруг специальной военной операции на Украине в российском экспертном сообществе уже всерьез обсуждается вопрос допустимости и даже необходимости превентивного или предупредительного ядерного удара в ответ на усиливающуюся агрессию «коллективного Запада» против России, инициирующего нанесение ударов дальнобойными ракетами и БПЛА вглубь ее территории. Как известно, военно-политическое руководство РФ в ноябре 2024 года заметным образом повысило порог «чувствительности» своей ядерной доктрины, попутно продемонстрировав в действии всему миру новейшую гиперзвуковую ракетную систему «Орешник», применение которой по мощности сопоставимо с ядерным оружием, но без радиоактивного заражения. Европа со своей стороны готовится к возможной ядерной войне с Россией. Нет никакой гарантии от того, что инерция и рутинизация эскалации могут внезапно и неконтролируемо довести ситуацию до «точки невозврата». «Иначе говоря, речь о следующем: взвинченность так велика, что предполагает реальную возможность крайних реакций. Рассуждения о войне перестают быть риторической фигурой, а это, собственно, и должно означать не столько торжество чьего-то правого дела, сколько, говоря словами Канта, конец всего сущего» [17, с. 36–37].

2. В ядерном миропорядке суверенитет фактически отождествляется с обладанием ядерным оружием. Если у государства есть ядерное оружие, оно является суверенным не только по форме (де юре), но и по сути. Поэтому многие государства, обладающие соответствующим научно-техническим потенциалом, стремятся заполучить собственное ядерное оружие вне сферы или в обход Договора о нераспространении (ДНЯО), что еще больше дестабилизирует миропорядок, приводит к ядерной анархии, экспоненциально увеличивая риск ядерной войны [18, с. 100–101]. «Взаимная безопасность, на которой строилась тактика сдерживания в годы холодной войны, перестала быть эффективной: новые участники “ядерного клуба” ею не озабочены, не говоря уже о негосударственных структурах. Распространение ядерного оружия в итоге превратилось во всеобъемлющую стратегическую проблему современного международного порядка» [12, с. 461]. Процесс распространения ядерного оружия не только повышает вероятность ядерного конфликта, но и радикально меняет глобальный баланс сил, формируя новую геополитическую реальность, полную неопределенности и опасности. Традиционный подход к ядерному сдерживанию, основанный на биполярном противостоянии сверхдержав, уже неадекватен. Лидеры нынешних ядерных держав, осознавая эту угрозу, вынуждены пересматривать свои стратегии, принимая во внимание не только риски прямого конфликта с другими ядерными державами, но и последствия появления новых «новичков» в ядерном клубе. Парадокс ситуации заключается в следующем: стремление к сдерживанию со стороны «старых» ядерных держав, порождает гонку вооружений.

Каждая крупная держава, опасаясь распространения ядерного оружия и потенциальной угрозы со стороны новых игроков, начинает наращивать свой арсенал. Это приводит к пропорциональному увеличению ядерных запасов, часто превышающему установленные международные ограничения, и значительно усложняет уже и без того запутанную картину глобальной безопасности. В результате относительно стабильный порядок времен холодной войны, характеризовавшийся относительно понятным распределением сил, сменяется более хаотичной и непредсказуемой системой. В этом новом мире возможность и готовность применения ядерного оружия становится фактором, способным обеспечить государству преимущество в геополитической борьбе. Рациональный расчет уступает место риску, а стратегия сдерживания может легко превратиться в стимул к эскалации. Это неизбежно ведет к формированию новых альянсов и блоков. В итоге распространение ядерного оружия может привести к возникновению системы союзов, сравнимых по своей прочности с блоками перед Первой Мировой войной, но значительно превосходящих их по масштабам и разрушительной силе [12, с. 461–467]. «Еще никогда гибель самой Земли не ощущалась столь осязаемо реально, как ныне, когда национальные центры ядерного уничтожения угрожающе плодятся», – справедливо резюмирует в этой связи П. Лобье [19, с. 26].

3. В основу устойчивости Вестфальской системы при ее создании закладывались такие принципы, как нейтралитет по отношению к моральным принципам, невмешательство во внутренние дела других государств, незыблемость суверенных границ. Вместе с тем, новоевропейские суверенные государства были укоренены в общем христианском наследии, а потому противостояли друг другу в рамках общих убеждений и ценностей. Однако в секулярном миропорядке на смену божественному и династическому принципу государственного суверенитета пришла концепция народного суверенитета, предполагающая, что народ обладает неограниченным правом устанавливать собственный политический порядок и не обязан подчиняться каким-либо внешним ограничениям или отчитываться перед кем-либо за свои действия. «В условиях, когда каждое государство черпает легитимность исключительно из воли народа, не считаясь ни с Богом, ни с международным правом, ни с ценностями других государств, на поверхность выходят самые опасные черты международной анархии, порождая состояние “неизбежности войны”» [20, с. 58]. Появление множества национальных государств, каждое из которых руководствуется собственной интерпретацией воли народа и национальных интересов, приводит, с одной стороны, к опасной релятивизации моральных норм, а с другой – к появлению «националистического универсализма» [15, р. 184–196]. Каждое государство склонно воспринимать свои собственные ценности как абсолютные и универсальные, ошибочно предполагая, что и другие государства разделяют эту точку зрения. Такой подход исключает возможность продуктивного диалога и взаимного понимания. Вместо сотрудничества и поиска компромиссов, государства сталкиваются друг с другом, защищая свои, якобы, безусловные ценности, даже если эти ценности прямо противоречат ценностям других государств. Более того, абсолютизация национальных интересов и ценностей подрывает основополагающие принципы международного права и дипломатии. Дипломатия, основанная на компромиссе и взаимном уважении, становится невозможной, когда каждое государство считает себя единственным обладателем истины и права. Вместо поиска взаимовыгодных решений, государства стремятся к доминированию, используя любые средства для достижения своих целей. Это приводит к эскалации напряженности, созданию атмосферы недоверия и, в конечном счете, к вооруженным конфликтам. Иными словами, отсутствие общепринятых моральных норм и принципов в международных отношениях, обусловленное распространением идеала абсолютного народного суверенитета, создает опасную ситуацию, в которой конфликты между суверенными государствами становятся неизбежными и бескомпромиссными. Каждый народ стремится к самоутверждению, не учитывая интересы и ценности других. Это порождает цепную реакцию, в которой каждое государство чувствует себя оправданным в своих действиях, даже если эти действия приводят к разрушительным последствиям для всего мира. «Сегодня нация может попросить одного-единственного человека уничтожить жизни сотен тысяч людей, сбросив одну атомную бомбу. Выполнение требования, имеющего такие огромные последствия, демонстрирует слабость наднациональной этики более впечатляюще, чем это могли сделать ограниченные нарушения универсальных стандартов, совершенные в доатомные времена» [15, р. 192]. Борьба между государствами за национальное превосходство, окрашенная в морально-идеологические и патриотические тона, создает предпосылки для появления «наций войны», основанных на согласии политических элит и общественности решать этот вопрос с помощью тотальной войны [1, с. 118–119]. Так, начало Первой Мировой войны было с восторгом встречено «патриотической публикой и пребывав-

шими в эйфории государственными лидерами, которые предполагали, что это будет короткая победоносная война с ограниченными целями. В итоге Европа получила более двадцати пяти миллионов погибших и гибель существующего международного порядка. Гибкие конструкции европейского баланса изменяющихся интересов были отброшены во имя конфронтационной дипломатии двух несгибаемых альянсов, а затем сметены позиционной войной, приведшей к доселе немыслимому количеству жертв. В ходе войны Российская, Австро-Венгерская и Османская империи были уничтожены. В России народное восстание с требованиями модернизации и либеральных реформ возглавила вооруженная элита, провозгласившая универсальную революционную доктрину. После голода и Гражданской войны Россия и ее владения преобразовались в Советский Союз, а желание Достоевского обрести “единую вселенскую церковь на земле” трансформировалось в контролируемое из Москвы мировое коммунистическое движение, отвергающее все прежние концепции мирового порядка» [12, с. 117].

В условиях растущей публичности информационного общества народный принцип легитимации суверенитета соответствующим образом отражается на эффективности дипломатических усилий как наиважнейшего инструмента внешней политики для установления мира: переговорщики, представляющие свои государства, вынуждены действовать с оглядкой на общественное мнение избирателей, а сам дипломатический процесс как таковой, предполагающий гибкость, тайну, уступки и компромиссы, нередко воспринимается патриотически настроенной общественностью как предательство национальных интересов и воли народа, что заранее превращает его в пропагандистский поединок, не имеющий ничего общего с поиском приемлемых способов решения угрожающих миру проблем. Происходящий сегодня гибридный конфликт между РФ и «коллективным Западом», способный трансформироваться в ядерную войну, в значительной степени обусловлен именно кризисом мировой дипломатии. Дипломатия в руках Запада превратилась в инструмент «крестовых походов».

4. Вестфальский миропорядок строился на установлении правовых рамок ведения войны между суверенными государствами, предполагающими юридическое признание противника в качестве равноправного *justus hostis*, с которым возможны переговоры и заключение мира. В известной работе «Номос Земли» К. Шмитт указал на зависимость представлений о законной причине войны (*justa causa*) и законном враге (*justus hostis*) от используемых видов вооружений. Государство, обладающее превосходством в вооружении, считает это обстоятельство «доказательством наличия у него *justa causa* и объявляет врага преступником, поскольку понятие *justus hostis* уже не может быть реализовано. Дискриминация врага, превращающая его в преступника, и одновременная апелляция к *justa causa* идут рука об руку с повышением эффективности средств уничтожения и делегитимацией театра военных действий. Повышение эффективности технических средств уничтожения разверзает пропасть столь же уничтожающей по отношению к противнику правовой и моральной дискриминации» [21, с. 474]. Как абсолютный враг требует применения к нему абсолютного насилия, так и возможность абсолютного насилия производит абсолютного врага [22, с. 141–143]. Первая Мировая война ознаменовалась беспрецедентным уровнем насилия, масштабы которого стали возможны благодаря революционным техническим достижениям в области ведения войны (колючая проволока, пулеметы, огнеметы, дальнобойная артиллерия, отравляющие газы, танки, самолеты, подводные лодки и т. д.), что естественным образом возродило фигуру абсолютного врага, «врага рода человеческого» (*hostis generis humani*), и тем самым реанимировало дух средневековой священной войны и возродило практику крестовых походов. Вместо признания врага как субъекта, с которым ведется конфликт в рамках определенных правил и норм, противоборствующая сторона дегуманизируется, представляется как воплощение чистейшего зла, не заслуживающего ни жалости, ни милосердия. С таким врагом не может быть никаких переговоров и компромиссов, он должен быть уничтожен любой ценой. Ядерное оружие в максимальной степени подходит для этой цели, являясь также условием возможности демонизации и криминализации противника. Как очень точно отмечал в этой связи К. Шмитт, «этот вид абсолютизации [врага] представляется имманентным наличной действительности атомной эпохи» [22, с. 141]. В годы «холодного» противостояния США демонизировали СССР как безбожную «империю зла», в наши дни «коллективный Запад» на волне экзальтированной русофобии развязал гибридную войну против России, подвергая морально-правовой дискриминации ее народ и военно-политическое руководство. Маниакальное стремление западных элит наделить крупнейшую ядерную державу статусом «государства-изгоя» (*rogue state*) со всеми вытекающими из этого против нее действиями, с одной стороны, и набирающее популярность (в значительной степени как реакция на внешнюю агрессию) правоконсервативное понима-

ние России как «щита мира» от апокалиптических сил хаоса [23], «теократизация российской стратегической культуры» [24, р. 236], с другой стороны, существенно повышают риск ядерного армагеддона в этой «апокалиптической битве Добра со Злом».

5. Поскольку речь идет о суверенных государствах, обладающих ядерным оружием, картину необходимо дополнить теорией суверенной власти у К. Шмитта, так как применение ядерного оружия – вопрос не военный, а политический, предполагающий санкцию высшего руководства [1, с. 123]. Речь, следовательно, идет о суверенной политической воле. В работе «Политическая теология» К. Шмитт уподобляет суверена всемогущему Богу, рассматривая его фигуру, взятую в отношении к внутригосударственному порядку, как гаранта этого порядка. Но у суверенитета две стороны, не только внутренняя, но и внешняя. Будучи пограничной фигурой, суверен гарантирует сохранение государства не только «изнутри», но и «извне» (по словам Т. Гоббса, меч правосудия, которым владеет суверен, служит и мечом обороны). Суверенное решение по поводу сохранения государства является решением в высшем смысле, которое с нормативной точки зрения, – пишет К. Шмитт, – рождается из ничто [25, с. 31]. Речь идет о чрезвычайном положении для сохранения государства, решение о котором является конститутивным для суверенной власти. Безусловно, ситуация, требующая принятия решения о применении ядерного оружия, является чрезвычайной, исключительной. Суть, однако, в том, что суверенное решение – это не признание уже существующего исключения; оно обладает перформативным качеством, при котором решение суверенного органа, объявляющее то или иное событие исключением, является необходимым условием для существования исключения как такового, а также, в более широком смысле, правовой системы, из которой оно исключается или удаляется. То есть исключение вызывается к жизни суверенным органом, чье решение по этому поводу не регулируется какими-то нормами права или, по сути, самым нормальным течением жизни. Таким образом, на пределе со всей очевидностью обнаруживается, что суверенная власть – это чистый, ничем не ограниченный волюнтаризм. Законы, правила, доктрины и т. п. – *de facto* «пустышка» на фоне суверенной воли, поскольку они не могут сами себя автоматически реализовывать, то есть их претворение в жизнь обеспечивается исключительно суверенной политической волей. Что отсюда следует? Предположим, государства доктринально зафиксировали между собой неприменение ядерного оружия в случае конвенциональной войны. Где гарантия, что эти договоренности будут неукоснительно выполняться? Суверенное решение одного из государств может в одностороннем порядке «обнулить» эти договоренности и нанести ядерный удар. Другая ситуация, являющаяся изнанкой предыдущей: если противник усомнится в политической воле государства, обладающего ядерным оружием и соответствующей доктриной, регламентирующей принципы и условия использования ядерного оружия, в его готовности и решимости применить его в случае необходимости, тогда ядерное сдерживание утратит свою эффективность. Это чревато тем, что противник может развязать полномасштабную конвенциональную войну, последствия которой по своей разрушительности могут оказаться сопоставимыми с ядерной войной. В конечном счете, такая война с высокой степенью вероятности может спровоцировать обмен и ядерными ударами. Поскольку ядерное сдерживание – это в большей степени психологический феномен, немаловажную роль играют субъективные, мировоззренческие, когнитивные, психоэмоциональные и социально-психологические факторы мотивации ответственных за принятие «апокалиптических» решений лиц [10]. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов тот хорошо известный факт, что «[в] каждую эпоху человечество рождает демонические фигуры, одержимые идеями репрессий и мирового господства» [12, с. 122], которые могут прийти к власти и поставить под вопрос существующий международный порядок, в том числе на основе убеждения, что «враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли опережающим ядерным ударом» [10].

6. Каждой системе миропорядка свойственен особый режим темпоральности. «Режим темпоральности отражает целостность проявления различных аспектов кодирования переживания времени» [26, с. 10]. Древним цивилизациям был присущ циклический взгляд на время, порядок христианского мира осмысливал себя в рамках линейного направления течения времени от точки начала до точки конца. Ядерный миропорядок строится на противоречивом совмещении (пересечении) двух режимов линейной темпоральности – бесконечной и конечной [13]. Система суверенных государств, преследующих в режиме конфликтного противостояния между собой собственные интересы, предполагает открытую, инертную и бесконечную темпоральность [27, с. 340], тогда как ядерное оружие учреждает эсхатологический режим темпоральности, горизонтом которого является ядерный «конец света». Хотя сам горизонт по мере приближения к нему все время (как бы) отодвигается, но как предел, как финаль-

ная точка, он всегда налицо. Соответственно, эсхатологические ожидания (включая специфически религиозные) режима ядерной темпоральности, а также обусловленный ими «эсхатологический паралич» [21, с. 35], то есть пассивность ожидания предопределенного конца, способны инициировать апокалиптический сценарий по типу самосбывающегося пророчества: если ситуация воспринимается как реальная, она становится реальной по своим последствиям (теорема Томаса).

Система суверенных государств возможна только в режиме бесконечной темпоральности, поскольку «только в бесконечном времени может быть легитимировано присутствие множества политических субъектов. Конец времен является версией “общей судьбы”, наличие которой создает предпосылки для формирования общей идентичности и – в перспективе – преодоления конфликтности и появления универсального политического субъекта» [28, с. 45–46]. Инертная и бесконечная темпоральность логически означает нейтрализацию временного измерения международных отношений, которые предстают как пространственное соперничество территориальных суверенных государств, то есть как геополитика. Конечная темпоральность ядерного мира предполагает хронополитику, которая разворачивается как «гонка ядерных вооружений» между государствами с целью обеспечить себе военное преимущество в ядерном противостоянии за счет фактора времени (кто первым вооружился, подготовился и атаковал, тот и победил). Она не только предполагает ядерный «конец света» как свою причину, но и приближает к нему как своему следствию. Включение суверенного мироустройства в конечную темпоральность наделяет конфликт между государствами эсхатологическим значением со всеми вытекающими из него драматическими последствиями. Следовательно, эсхатологический режим темпоральности задается альтернативой «мировое государство или ядерный апокалипсис». Иными словами, режим конечной темпоральности подрывает легитимность системы суверенных государств в пользу мирового государства, обладающего монополией на ядерное оружие, а режим бесконечной темпоральности существенно увеличивает риски ядерной войны (логически делает ее неизбежной) за счет встраивания ядерного оружия в международную анархию, не меняя фундаментальным образом логику системы конфликтующих суверенных государств. Таким образом, темпоральное противоречие ядерного миропорядка открывает перспективу его *долговременной неустойчивости* [13] как постепенного распада «долгого мира» [1].

Заключение

Устоявшееся представление о ядерном сдерживании как о гаранте мира и стабильности – не более чем хрупкий мираж. Анализ существующей системы мироустройства, состоящей из конфликтующих суверенных государств, обладающих ядерным оружием, демонстрирует имманентные изъяны, ставящие под сомнение ее долгосрочную устойчивость и способность обеспечивать международную безопасность. В этой ситуации просматриваются два логически равно возможных варианта решения данной проблемы: 1) сохранение системы суверенных государств при полном отказе от обладания ядерным оружием (ядерное разоружение); 2) отказ государств от суверенитета в пользу наднационального образования (мирового государства), обладающего монополией на ядерное оружие. Однако обе эти модели сталкиваются с объективными непреодолимыми препятствиями. Таким образом, фундаментальная проблема заключается в том, что сложившийся ядерный миропорядок, несмотря на свой саморазрушительный потенциал, является безальтернативным в обозримой перспективе, так как реализация возможных вариантов решения данного вопроса с точки зрения настоящего момента выглядит слишком утопично. Но патовая ситуация не повод для эсхатологического паралича. Необходим поиск каких-то промежуточных решений, направленных на укрепление доверия между государствами, совершенствование систем контроля над ядерными вооружениями и развитие эффективных механизмов предотвращения конфликтов. Возможно, вопрос выживания человечества зависит именно от успешного решения этих непростых задач. Это долгий и сложный путь, требующий глобального сотрудничества и политической воли, но релевантной альтернативы ему пока не просматривается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фененко А. «Долгий мир» и ядерное оружие // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16, № 6. С. 99–123. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-72-99.
2. Caplow T. Armageddon Postponed. A Different View of Nuclear Weapons. UK: Hamilton Books, 2010. (e-book).
3. Сафранчук И. Карибский кризис наоборот // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5 (117). С. 55–60. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-55-60.

4. Караганов С. Как не допустить Третьей мировой. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-ne-dopustit-tretej-mirovoj/> (дата обращения: 06.04.2025).
5. Караганов С. Нынешняя ядерная доктрина не выполняет функцию сдерживания. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/yadernaya-doktrina-karaganov/> (дата обращения: 03.04.2025).
6. Тренин Д. Стратегическое сдерживание: новые контуры // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4(128). С. 74–86. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-74-86.
7. Арбатов А. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 88–111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08.
8. Арбатов А. Ядерные метаморфозы // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 7–28. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.02.
9. Джервис Р. О кризисной нестабильности и психологии ядерного сдерживания // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 10–19. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-10-19.
10. Журавлев А., Нестик Т., Соснин В. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М: Институт психологии РАН, 2016. 122 с. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1763365693&tld=ru&lang=ru&name=socialno-psixologicheskie-aspekty-geopoliticheskoy-stabilnosti-i-yadernogo-sderzhivaniya-v-xxi-veke.pdf&text=Журавлев%20А.%20С%20Нестик%20Т.%20С%20Соснин%20В.%20Социально-психологические%20аспекты%20геополитической%20стабильности%20и%20ядерного%20сдерживания%20в%20XXI%20веке&url=https%3A%2F%2Fspkurdyumov.ru%2Fuploads%2F2016%2F11%2Fsocialno-psixologicheskie-aspekty-geopoliticheskoy-stabilnosti-i-yadernogo-sderzhivaniya-v-xxi-veke.pdf&lr=44&mime=pdf&l10n=ru&sign=bb683076ab2c6075129cdf8df0e59d4d&keyno=0&serpParams=tm%3D1763365693%26tld%3Dru%26lang%3Dru%26name%3Dsocialno-psixologicheskie-aspekty-geopoliticheskoy-stabilnosti-i-yadernogo-sderzhivaniya-v-xxi-veke.pdf>.
11. Фролов А. Порог применения ядерного оружия: как не споткнуться. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-ne-spotknutsya/> (дата обращения: 02.04.2025).
12. Киссинджер Г. Мировой порядок. М: Изд-во АСТ, 2024. 544 с.
13. Учаев Е., Квартальнов А. Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 112–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf3.
14. Кучеренко С. Понятие войны в политическом реализме // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 104–127. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-104-127.
15. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 516 p.
16. Waltz K. Man, the State and War. A Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press, 2001. 263 p.
17. Филиппов А.Ф. Эскалация как осознанное и бессознательное // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 36–44. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-36-44.
18. Леввольд Р. Ядерное оружие и ядерная война: распространение и обладание // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 3. С. 100–104. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-100-104.
19. Лобье П. Эсхатология. М: Аст; Астрель, 2004. 158 с.
20. Кучеренко С. Суверенитет и интеграция в политическом реализме // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. 2019. № 4(95). С. 53–66. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-53-66.
21. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
22. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
23. Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy // Contemporary Security Policy. 2014. № 3. Р. 356–379. DOI: 10.1080/13523260.2014.965888.
24. Adamsky D. Russian Nuclear Orthodoxy. Religion, Politics, and Strategy. Stanford: Stanford University Press, 2019. 354 p.
25. Шмитт К. Понятие политического. СПб: Наука, 2016. 568 с.
26. Горин Д. Трансисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 2. С. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20>
27. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
28. Учаев Е., Харкевич М. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа современного политического реализма // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. 2023. № 1 (108). С. 40–63. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-40-63.

Поступила в редакцию 13.04.2025
Передана на рецензирование 18.04.2025
Рекомендована к печати 15.05.2025

Яркеев Алексей Владимирович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

*A. V. Yarkov***ON THE ISSUE OF THE SUSTAINABILITY OF THE NUCLEAR WORLD ORDER: PROBLEM STATEMENT**

DOI: 10.35634/2587-9030-2025-9-4-496-505

The article examines the aporetic nature of the architecture of the nuclear world order based on mutual nuclear deterrence (intimidation). The relevance of addressing this topic is due to the fact that today we are witnessing how principles, mechanisms and institutions, including treaties and obligations in the field of nuclear weapons and nuclear deterrence, on which the international order has been based so far, cease to fulfill their stabilizing and regulating functions, are being eroded and destroyed. The ongoing escalation of tension in these conditions is bringing the world closer and closer to sliding into a full-scale military confrontation with the use of the entire arsenal of available means of mass destruction. In these circumstances, it seems that the threat of preventive or retaliatory use of nuclear weapons is the very «last resort» (ultima ratio) that reliably restrains the development of events in an apocalyptic scenario. The author of the article questions the confidence in the reliability of the nuclear deterrence mechanism based on an analysis demonstrating the inherent flaws and deficiencies of the nuclear world order, understood in the most general sense as a system of conflicting sovereign states with nuclear weapons (or under the protection of nuclear powers). As a result of the analysis, it is concluded that nuclear deterrence (mutual intimidation) is not capable of serving as the basis of a world order represented by sovereign states whose imperative is the pursuit of their own selfish interests, which endangers international security. However, the problem lies in the fact that the current nuclear world order, despite its self-destructive potential, has no alternative in the foreseeable future, since the implementation of possible solutions to this issue currently looks too utopian.

Keywords: nuclear world order, international relations, political realism, sovereign state, nuclear deterrence, nuclear war.

REFERENCES

1. Fenenko A. «Dolgij mir» i yadernoe oruzhie [«Long Peace» and Nuclear Weapons] // Russia in Global Affairs. 2018. Vol. 16. No 6. P. 99-123. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-72-99. (In Russ.)
2. Caplow T. Armageddon Postponed. A Different View of Nuclear Weapons. UK: Hamilton Books, 2010. (e-book) (In Russ.)
3. Safranchuk I. Karibskij krizis naoborot [A Reverse Cuban Missile Crisis: Fading Red Lines] // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. No 5 (117). P. 55-60. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-55-60. (In Russ.)
4. Karaganov S. Kak ne dopustit Tretej mirovoj [How to Prevent a Third World War]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-ne-dopustit-tretej-mirovoj/> (accessed on: 06.04.2025)
5. Karaganov S. Nyneshnyaya yadernaya doktrina ne vpolnyaet funkciyu sderzhivaniya [The current nuclear doctrine does not serve the function of deterrence]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/yadernaya-doktrina-karaganov/> (accessed on: 03.04.2025)
6. Trenin D. Strategicheskoe sderzhivanie: novye kontury [Strategic Deterrence: New Contours] // 2024. Vol. 22. No 4(128). P. 74-86. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-74-86 (In Russ.)
7. Arbatov A. Desyat aporij nashego vremeni. Teoriya i praktika yadernogo sderzhivaniya [The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence] // Polis. Political Studies. 2021. No 4. P. 88-111. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08. (In Russ.)
8. Arbatov A. Yadernye metamorfozy [Nuclear Metamorphoses] // Polis. Political Studies. 2023. No 5. P. 7-28. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.02 (In Russ.)
9. Jervis R. O krizisnoj nestabilnosti i psixologii yadernogo sderzhivaniya [On Crisis Instability and Psychological Aspects of Nuclear Deterrence] // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. No 5. P. 10-19. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-10-19. (In Russ.)
10. Zhuravlev A., Nestik T., Sosnin V. Socialno-psixologicheskie aspekty geopoliticheskoy stabilnosti i yadernogo sderzhivaniya v XXI veke [Socio-psychological Aspects of Geopolitical Stability and Nuclear Deterrence in the 21st Century]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2016. (In Russ.) (e-book)
11. Frolov A. Porog primeneniya yadernogo oruzhiya: kak ne spotknutsya [Threshold for the Use of Nuclear Weapons: How not to stumble]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-ne-spotknutsya/> (accessed on: 02.04.2025)
12. Kissinger G. Mirovoj poryadok [World Order]. Moscow: AST, 2024. 544 p. (In Russ.)
13. Uchaev Y., Kvartalnov A. Temporalnyj podxod k probleme ustojchivosti yadernoj anarxii [Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach] // MGIMO Review of International Relations. 2022. Vol. 15. No 6. P. 112-134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-01f3 (In Russ.)
14. Kucherenko S. Ponyatie vojny v politicheskom realizme [The Concept of War in Political Realism] // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2020. Vol. 63. No 11. P. 104-127. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-104-127 (In Russ.)
15. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 516 p.
16. Waltz K. Man, the State and War. A Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press, 2001. 263 p.

17. Filippov A. Eskalaciya kak osoznannoe i bessoznatelnoe [Escalation as The Conscious and The Unconscious] // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23. No 1. P. 36–44. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-36-44. (In Russ.)
18. Legvold R. Yadernoe oruzhie i yadernaya voïna: rasprostranenie i obladanie [Nuclear Proliferation and Nuclear War] // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 100-104. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-100-104. (In Russ.)
19. Laubier P. Esxatologiya [Eschatology]. Moscow: AST; Astrel, 2004. 158 p. (In Russ.)
20. Kucherenko S. Suverenitet i integraciya v politicheskom realizme [Sovereignty and Integration in Political Realism] // The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia. 2019. No 4(95). P. 53-66. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-53-66 (In Russ.)
21. Schmitt C. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 2008. 670 p. (In Russ.)
22. Schmitt C. Teoriya partizana [Theory of the Partisan]. Moscow: Praxis, 2007. 301 p. (In Russ.)
23. Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy // Contemporary Security Policy. 2014. No. 3. P. 356-379. DOI: 10.1080/13523260.2014.965888
24. Adamsky D. Russian Nuclear Orthodoxy. Religion, Politics, and Strategy. Stanford: Stanford University Press, 2019. 354 p.
25. Schmitt C. Ponyatie politicheskogo [The Concept of The Political]. Saint Petersburg: Nauka, 2016. 568 p. (In Russ.)
26. Gorin D. Transistorizm i novyj rezhim temporalnosti v sovremennoj istoricheskoy kulture [Transhistoricism and a New Regime of Temporality in Modern Historical Culture] // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2021. No 5(2). P. 8–20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20> (In Russ.)
27. Foucault M. Bezopasnost, territoriya, naselenie [Security, territory, population]. Saint Petersburg: Nauka, 2011. 544 p. (In Russ.)
28. Uchayev Y., Kharkevich M. Nemyslimost totalnoj katastrofy: postapokalipticheskaya priroda modernogo politicheskogo realizma [Unthinkable Doomsday: Postapocalyptic Nature of Modern Political Realism] // The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia. 2023. No 1 (108). P. 40-63. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-40-63. (In Russ.)

For citation:

Yarkeev A.V. On the issue of the sustainability of the nuclear world order: problem statement // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2025. Vol. 9, iss. 4. P. 496–505. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2025-9-4-496-505> (In Russ.)

Received 04/13/2025

Submitted for review 04/18/2025

Recommended for publication 05/15/2025

Yarkeev A.V., Doctor of Philosophy, Leading researcher
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Sof'i Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru